

Рецензии, аннотации, отзывы

**В.М. ВИДГОФ. ФИЛОСОФИЯ
ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР,
СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА. –
Томск: Изд-во Томского ун-та. 2007. – 356 с.**

О.А. ДОНСКИХ

Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо другого) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения.

И. Бродский Нобелевская лекция

Представляемая вниманию читателей книга известного томского философа В.М. Видгофа – это труд, в котором автор подводит итоги своих многолетних размышлений об эстетическом сознании, что само по себе делает работу важной и интересной.

Ключевым понятием, которое пронизывает все размышления автора и составляет идейный узел работы, является понятие целостности. В частности, оно задает логику работы: в первой половине книги В.М. Видгоф дает исторический и системно-структурный обзор различных подходов к понятию эстетического сознания, завершая его обобщающим определением, а во второй половине – очерчивает наиболее принципиальные аспекты целостного эстетического сознания и, наконец, демонстрирует его возможности при формировании концепции гуманистического воспитания студентов классического университета.

Философской основой исследования является диалектико-материалистический подход, включенный в общепhilosophический контекст современности. Кроме того, отдельные важные положения работы являются продолжением традиций русской религиозной философии, в частности, когда речь идет об одном из ключевых понятий исследования – о свободе.

На этих последних положениях мне хотелось бы остановиться, поскольку они не так очевидны. Конечно, В.М. Видгоф упоминает В.С. Соловьева с его категорией всеединства, других русских религиозных философов, но важно то, что он продолжает их традицию и в тех случаях, когда логически развивает свой подход, базирующийся на категории целостности, и это демонстрирует плодотворность принятого подхода. На С. 30 (со ссылкой на Э. Фромма) автор рассуждает о том, что изгнанный

из Рая человек обрел свободу творить свою собственную историю, достигать новой гармонии с самим собой и природой. Понятно, что это продолжение идей Мильтона с его протестантской верой в неограниченные возможности трудового человека. Но это и та идея, которую развивает Достоевский в «Сне смешного человека». Именно русский писатель доказывает, что незатейливая добрая гармония становится невозможной, как только человек начинает рефлектировать. Рефлексия выявляет противоречия в человеческой душе, и чем больше человек рефлектирует, тем больше сомнений в нем поселяется и тем больший ад развертывается в его душе. И необходим переход на новый уровень человеческого бытия, необходимо преобразование всей личности, чтобы стал возможен новый Рай — не первозданный, а воссозданный новым, целостным человеком. Не случайно в определении эстетического сознания появляется сверхчувственное, и автор говорит о целостном сознании как о «форме чувственно-эмоционально-сверхчувственного отражения» и здесь же об «опыте преобразования мира по законам красоты» (С. 186).

В своем анализе целостного развития эстетического сознания В.М. Видгоф приходит к выводу, что, отражая объективные законы исторической эволюции, оно имеет тенденцию к преодолению различных форм объектных и внутрисубъектных противоречий, поскольку направлено на сохранение и утверждение общечеловеческой меры, и тогда интересы субъектов начинают согласовываться в поисках гармонического единства (С. 206). Фактически речь идет об одном из наиболее важных понятий, введенных в философский оборот А.С. Хомяковым и широко развитых последующими русскими философами — о соборности, однако оно появляется в данной работе не как дополнительная характеристика, а как закономерный способ проявления целостности эстетического сознания.

Большое значение для автора имеет понятие деятельности. Автор раскрывает целостность эстетического сознания именно в рамках деятельностного подхода. В процессе анализа он вводит понятие «мера мирочеловеческого», которое позволяет снять противоречие ограниченности, возникающее при независимом использовании терминов мера человеческого (Протагор) или мера природы, вещи, судьбы (Аристотель). Выстраивается красивое представление о том, что посредством мирочеловеческой меры человек постигает как свою меру (меру свободы), так и меру природы (меру необходимости). По сути дела в этом термине находит свое выражение обобщенное эстетическое представление о практике в ее самом широком значении. Такой подход позволяет автору четко и глубоко представить типы субъект-объектных отношений, чему посвящен один из самых удачных параграфов книги — параграф 1.3. первой части. Рассматривая наиболее важные типы универсальных отношений, позволяющих приблизиться к формуле $S - O - S$, автор дает им оригинальные характеристики, которые, несомненно, требуют дальнейшего развития, но и в таком виде оказываются весьма продуктивными. Совершенно неочевидна, хотя и убедительна связь между объект-объектным отношением и синкретичностью. Действительно, синкретичность связывается с первобытным мышлением, когда человек не со-

знает еще себя субъектом, но в данном случае синкретичность рассматривается еще и как наличествующая на периферии современного сознания ориентация на сопричастность вечному (С. 38). В свою очередь эстетический тип (четвертый из рассматриваемых автором) универсальных отношений понимается как ориентированный на «разрешение противоречий между всеми типами отношений в структуре общей целостности С – О – С отношений» (С. 41). Здесь естественно вводится понятие гармонии, по законам которой человек на определенном этапе своего развития начинает организовывать свои противоречивые отношения с миром. Гармония последовательно выступает в книге именно как выражение человеческой свободы. Особенно ярко это проявляется в определении эстетической эмоциональности, когда автор говорит, что она выражается в «способности субъекта не только свободно ощущать красоту мира, но и создавать ее, преодолевая дисгармонию жизни» (С. 195).

Своеобразным итогом применения деятельностного подхода и наиболее полным результатом анализа понятия целостности является раздел 1.4. третьей части книги «Целостность деятельностной структуры эстетического сознания». Здесь в рамках единого подхода рассматриваются понятия эстетической потребности, эстетического образа, эстетической истины, эстетической ценности и др. (В этом разделе, в частности, преодолевается тот недостаток диалектико-материалистического подхода, который был обусловлен его идеологизированностью.) Автор формулирует этот недостаток как разрыв между гносеологическим и аксиологическим в системе эстетического мировоззрения. При таком разрыве возникает деформация, выражающаяся в отчуждении связей между указанными аспектами, что присуще антигуманному мировоззрению (С. 255). Хочется остановиться на некоторых наиболее ярких результатах проведенного автором анализа. Так, В.М. Видгоф убедительно разводит понятия истины и правды. Он видит особенность эстетической истины в ориентации одновременно на чистую и ценностную объективность, не на единообразие, но на многообразие, законом которого выступает гармоническая мера, на диалектическую взаимозависимость свободы и необходимости (С. 218). В свою очередь, эстетическая правда оказывается «эстетической истиной, взятой в аксиологическом контексте смысла эстетической деятельности» (С. 221). Эстетической пользой в таком случае оказывается праксиологически выраженная эстетическая правда жизни (С. 224). Автор обрисовывает здесь принципиальные черты эстетического сознания в его важнейших противоречиях и аспектах. В едином ключе, с учетом как системно-структурного, так и диахронического подходов рассматриваются основные эстетические категории – возвышенное, низменное, комическое и др. Автор выделяет семь исторических этапов становления научного знания как уровней развития эстетического познания. Каждый из них, в свою очередь, характеризуется как соответствующий тип эстетического мировоззрения. В ходе такого обзора с очевидностью проявляется основной признак гносеологического аспекта эстетического мировоззрения – способность давать «целостное представление об эстетических свойствах мирочеловеческих отношений» (С. 253).

Одним из интересных моментов книги является оригинальное развитее идеи В.С. Соловьева о трех уровнях рефлексии в разделе 1.4.4. «Эстетическая эмоциональность как способ душевно-духовного освоения действительности». Здесь В.М. Видгоф на материале поэтического творчества показывает, как целостное мироощущение первого уровня сменяется уровнем разрушающейся целостности, связанной с удовлетворением собственной неудовлетворенностью, который, в свою очередь, позволяет перейти к уровню «поэзии гармонической мысли» (В.С. Соловьев). Самосознание и рефлексия помогают эстетическому чувству «ощутить свою категориально-эстетическую оснащенность» (С. 265). И это также существенно углубляет понимание гносеологического аспекта эстетического сознания.

Разумеется, в кратком обзоре невозможно охватить все те идеи, которые изложены в данной работе. По моему мнению, она полностью отвечает поставленной задаче и действительно дает яркое представление о возможностях подхода к эстетическому сознанию в аспекте его целостности. Это представление фактически пронизывает каждую страницу работы.

Большое значение имеет и исторический обзор эстетических идей от Античности до современности, занимающий значительный объем книги. Автор не берет на себя задачу последовательного анализа историко-эстетического материала (это и невозможно в данной работе), останавливаясь на наиболее принципиальных для его целей моментах и этапах. Глубоко анализируются концепции Платона, Аристотеля, Канта. Очень важно, что результаты исторического обзора не остаются лишь эстетическим придатком к собственному системно-структурному анализу автора, но присутствуют и активно используются в других разделах книги. Тем самым диалогический аспект эстетического сознания в полной мере реализуется самим автором.

Такой широкий охват аспектов и моментов эстетического сознания, который реализован в данном исследовании, не мог, разумеется, обойтись без отдельных пробелов. Мне представляется, что следовало бы обратиться к работам Й. Хейзинги особенно, когда автор книги говорит о роли игры сознания, находящегося в состоянии «ощущения свободы как таковой», но почему-то остаются в стороне подобного рода идеи А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, хотя достаточно внятно обращается внимание читателя на особую способность эстетической рефлексии останавливать мгновения событий, жизненных реалий... Хотелось бы отдельные разделы книги видеть более разработанными. Но я бы сказал, что это именно заслуга автора, который смело вызывает на размышление и заставляет двигаться в русле заданных им категорий.

В заключение автор предлагает концепцию гуманистического воспитания студентов Томского государственного университета как вуза классического типа. В данной концепции нашли свое выражение важнейшие выводы автора книги, особенно категория целостности. И это — принципиальный итог работы, который ориентирован на дальнейшее развитие. Итог, который становится новым началом.